

правоотношений [3, 2]. При этом процесс формирования и развития рыночных отношений явился той питательной средой, которая способствовала переходу от системы привилегий, выдаваемых издателями и промышленникам, к правам, признаваемым за создателями интеллектуального продукта.

Литература

1. Табастаева Ю.Г. Правовые средства пресечения недобросовестной конкуренции в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Дисс... канд. юрид. наук. Москва, 2002.
2. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект, 1999.
3. Дельцова Н.В. Объекты интеллектуальной собственности: система признаков и система правового регулирования. Дисс... канд. юрид. наук. Самара, 2004.
4. Городов О.А. Интеллектуальная собственность: правовые аспекты коммерческого использования. Дисс.... докт. юрид. наук. Санкт-Петербург, 1999.
5. Протасов В.Н. Правоотношение как система. – М.: Юридическая литература, 1991. – 141 с.
6. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть. – Уфа: Уфимский юридический институт, 1998. – 330 с.
7. Лапач В.А. Система объектов гражданских прав в законодательстве России: Дисс... докт. юрид. наук. Ростов-на Дону, 2002. – 537 с.
8. Усольцева С.В. Результаты интеллектуальной деятельности как правовая категория: Дисс... канд. юрид. наук. Иркутск, 1997. – 186 с.
9. Туровский М.Б. Предыстория интеллекта. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. С. 53.

Лоцилин В.С. ©

Аспирант, Национальный исследовательский университет – Высшая школа экономики

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА КАК НОВШЕСТВО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПЛАТЕЖНОЙ СИСТЕМЫ

Федеральный закон от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – «Закон о НПС») привнес довольно большое количество новшеств в российскую правовую систему. Без преувеличения можно говорить, что Закон о НПС создал предпосылки для существенного пересмотра всей системы правового регулирования расчетов, вводя новые правовые институты, такие как платежная система, перевод денежных средств и электронные денежные средства. В настоящей статье мы хотели бы остановиться на институте электронных денежных средств (далее – «ЭДС»), поскольку он, с одной стороны, регулирует явление, вызывавшее широкие дискуссии в научной среде до принятия Закона о НПС, и с другой стороны, стал одной из основных тем обсуждения после принятия этого закона.

Спектр точек зрения, высказанных о правовой природе ЭДС, весьма велик: в него входят мнения об ЭДС как о prepaid финансовых продуктах [6, 28], способах фиксации прав требования [7, 11], информации [9, 420], гибриде вещи и права требования [8, 35], гибриде наличных и безналичных денег [3, 6].

Из легального определения, установленного п. 18 ч. 1 ст. 3 Закона о НПС, можно выделить следующие признаки ЭДС: 1) ЭДС являются денежными средствами; 2) ЭДС должны быть предварительно предоставлены одним лицом (для краткости мы будем называть его клиентом) другому лицу (обязанному лицу); 3) указанное предоставление ЭДС должно иметь целью исполнение денежных обязательств клиента перед третьими лицами; 4) клиент имеет право передавать распоряжения в отношении ЭДС исключительно с использованием электронных средств платежа; 5) обязанное лицо должно учитывать информацию о размере предоставленных ЭДС без открытия банковского счета.

Следует констатировать, что данное определение практически не объясняет правовую природу ЭДС. Ниже мы разберем каждый из перечисленных признаков, чтобы подойти ближе к определению правовой природы ЭДС и попытаться выявить недостатки текущей концепции.

Из первого признака ясно, что ЭДС, по меньшей мере, не являются деньгами в их классическом понимании (ст. 128 ГК РФ). Этот признак косвенно указывает на обязательственно-правовую природу ЭДС, однако не позволяет сделать об этом однозначного вывода (не исключает, например, их смешанной

правовой природы) и не позволяет выявить их отличий от денежных средств на банковских счетах и во вкладах до востребования (безналичных денежных средствах).

Смысл второго признака – конкретизация запрета на кредитование клиента оператором ЭДС, а также на начисление на остаток ЭДС процентов (ч. 5 и ч. 6 ст. 7 Закона о НПС), что уже позволяет судить об отличиях ЭДС от безналичных денежных средств. Вместе с тем очевидно, что упомянутый запрет вызван исключительно экономическими причинами и соображениями безопасности, а именно тем, что операторы ЭДС пользуются преимуществами пониженных требований к финансовой устойчивости и упрощенных процедур надзора. Кроме того, предоставление денежных средств клиентом банку имеет место и в случае безналичных денежных средств; отличие ЭДС только в моменте наступления этого события, да и то имеет место не всегда, поскольку безналичные денежные средства также могут появляться у клиента после предоставления наличных денег банку.

Третий признак при первом прочтении как минимум неясен, поскольку любые деньги и денежные средства предназначены, с точки зрения права, именно для исполнения денежных обязательств, и, таким образом, устанавливать подобным способом целевой характер их предоставления бессмысленно. Однако если истолковать этот признак в связи с нормой ч. 1 ст. 7 Закона о НПС, в которой перевод ЭДС называется формой безналичных расчетов, а также с аналогичной его трактовкой у некоторых авторов (см. [5, 74]), становится видна попытка законодателя сформулировать некое подобие агентских отношений между клиентом и обязанным лицом. Трактую перевод ЭДС таким образом (как форму безналичных расчетов, предусматривающую осуществление платежа посредником от имени клиента), можно увидеть попытку вписать перевод ЭДС в систему существующих агентских схем расчетов и придать им единую правовую регламентацию.

Стоит ли говорить, что эта попытка является неудачной. Во-первых, не соблюдается единство критерия классификации форм безналичных расчетов. В то время как существующие формы безналичных расчетов (ст. 862 ГК РФ) выделяются по критерию применяемого платежного инструмента (т.е. средства, с помощью которого составляется и передается платежное распоряжение), ЭДС не являются таковым: они являются платежным средством, т.е. тем, передача чего прекращает денежное обязательство исполнением. Формой безналичных расчетов, следуя такой логике, можно признать расчеты с помощью электронных средств платежа, которые могут осуществляться с помощью как безналичных денежных средств, так и ЭДС. Во-вторых, договор между клиентом и обязанным лицом об осуществлении расчетов с помощью ЭДС (как и договор банковского счета; см. напр. [4, 107]) не имеет черт агентского или иного посреднического договора. Его предметом является не осуществление обязанным лицом каких-либо сделок за счет клиента, а оказание клиенту особого рода услуг (схожих с банковскими услугами), связанных с открытием и поддержанием остатка ЭДС и, в том числе, предоставления возможности клиенту совершать расчетные сделки. В противном случае неясно, почему выделяется самостоятельный договор банковского счета, а также почему оператор ЭДС назван в Законе о НПС самостоятельным субъектом (а не включен в сложившуюся схему платежных агентов).

Анализ четвертого признака опять же не дает возможности говорить о каком-либо его вкладе в определение ЭДС как правового явления. Дело в том, что, с одной стороны, распоряжение безналичными денежными средствами в большинстве случаев также осуществляется с помощью электронных средств платежа (в этих случаях неясно, как отграничить их от ЭДС); с другой стороны, распоряжение ЭДС происходит и без применения электронных средств платежа, например, в случае выдачи остатка ЭДС, которое может (а в случае использования неперсонифицированного электронного средства платежа – должно) происходить при личном присутствии клиента.

Наконец, пятый признак говорит о том, что учет и переводы ЭДС происходят без применения банковских счетов. Это положение важно для правового режима ЭДС в целом, поскольку означает неприменимость к ЭДС целого ряда гражданско-правовых норм (речь о гл. 45 ГК РФ). Вместе с тем среди этих положений нет таких, которые создавали бы какие-либо особенности выполнения ЭДС основной с точки зрения права функции денег: функции средства платежа и исполнения денежных обязательств. В дополнение к этому, каких либо особенностей явления, заменяющего собой банковский счет (остатка ЭДС), Закон о НПС не устанавливает. Поэтому, если ограничиться только констатацией того факта, что у остатка ЭДС и банковского счета разные правовые режимы, невозможно говорить о различиях содержащихся на них платежных средств, пока мы не найдем характеристик, существенно влияющих на осуществление расчетов и исполнение денежных обязательств с помощью этих объектов.

Представляется, что такой характеристикой являются особый порядок осуществления переводов ЭДС и моменты наступления юридических последствий при таких переводах. Из положений ст. 849 ГК РФ, ч. 5 ст. 5 и ч. 11 ст. 7 Закона о НПС видно, что переводы ЭДС осуществляются, в отличие от

переводов безналичных денежных средств, мгновенно (возможно исключение, связанное с т.н. автономным режимом использования электронного средства платежа, однако для последующего анализа оно несущественно). В связи с этим отличаются также моменты наступления безотзывности, безусловности и окончательности денежного перевода. Моменты наступления безотзывности перевода денежных средств (п. 14 ч. 1 ст. 3 Закона о НПС) для безналичных денежных средств и для ЭДС существенно отличаются: если в первом случае существует определенное время, в течение которого плательщик может отменить платежное распоряжение, то во втором случае такой возможности не существует в принципе – безотзывность перевода наступает в момент использования электронного средства платежа, таким образом, любое составленное распоряжение автоматически безотзывно.

Также крайне характерно, что в этот же момент исполняется денежное обязательство плательщика перед получателем (ч. 17 и ч. 18 ст. 7 Закона о НПС). Момент исполнения денежного обязательства при расчетах безналичными денежными средствами законодательством не регламентирован, однако, основываясь на системном толковании ч. 10 и ч. 11 ст. 5 Закона о НПС, можно сделать достаточно, на наш взгляд, убедительный вывод о том, что такой момент наступает при зачислении денежных средств на корреспондентский счет банка получателя.

С помощью описанного набора юридических конструкций реализуется представление об ЭДС как об электронном аналоге наличных денег. Хотя ЭДС, как и безналичные денежные средства, носят нематериальный и обязательственно-правовой характер, они отличаются от последних именно механизмом осуществления расчетов и распределением бремени юридических последствий (с одной стороны, мгновенностью осуществления перевода, и с другой, моментом наступления безотзывности распоряжения для плательщика и моментом исполнения денежного обязательства плательщика перед получателем).

ЭДС, таким образом, не являются формой безналичных расчетов, а представляют собой самостоятельную правовую сущность, несводимую ни к наличным деньгам, ни к безналичным денежным средствам. Попытка подвести их под действующие схемы осуществления расчетов с использованием агентов, а также признать перевод ЭДС формой безналичных расчетов, приводит лишь к правовой неопределенности. Из содержащихся в настоящее время в Законе о НПС определений ЭДС, оператора ЭДС и электронного средства платежа можно сделать абсурдный вывод, что оператором ЭДС является физическое лицо, получившее от другого физического лица деньги, учитывающее их в любом электронном файле и принимающее распоряжения об их передаче третьим лицам посредством электронной почты. Даже если быть ближе к практике, можно обратить внимание на риски, которые указанные нормы Закона о НПС создают для систем электронного биллинга, операторов которых также можно подвести под определение оператора ЭДС.

Это говорит о том, что текущее определение ЭДС не соответствует сути определяемого явления. Возможно, при его выработке следовало бы обратить внимание на определение ЭДС, установленное в Директиве ЕС № 2009/110/ЕС [2, 12], определяющее их как хранимую на электронном устройстве денежную стоимость, выраженную в праве требования к эмитенту. Разумеется, мы не говорим о необходимости копировать зарубежные правовые нормы, но считаем необходимым отметить гораздо большую их близость к сложившейся практике. По меньшей мере, в Законе о НПС стоило бы упомянуть о том, что ЭДС являются правами требования клиента к обязанному лицу, закрыв хотя бы этот участок дискуссий.

Литература

1. Федеральный закон от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // «Собрание законодательства РФ», 04.07.2011, № 27, ст. 3872.
2. Директива 2009/110/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС от 16 сентября 2009 года об организации, деятельности и пруденциальном надзоре за деятельностью учреждений электронных денег, вносящая изменения в Директивы 2005/60/ЕС и 2006/48/ЕС и отменяющая Директиву 2000/46/ЕС // «Платежные и расчетные системы. Международный опыт», № 25, 2011. С. 5 – 22.
3. Даниленко С.А. Регулирование рынка электронных денег // «Юридическая работа в кредитной организации», № 2, 2011. С. 3 – 10.
4. Деньги как объект гражданских прав. Дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / Замотаева Т.Б. – Самара, 2003. – 193 с.
5. Иванов В.Ю. Некоторые теоретические и практические аспекты законодательства о национальной платежной системе // «Банковское право», № 6, 2011. С. 71 – 78.
6. Иванов В.Ю. Проблемы правовой квалификации расчетов «электронными деньгами» // «Банковское право», № 3, 2004. С. 22 – 29.
7. Курбатов А.Я. Правовое регулирование электронных платежных систем по законодательству Российской Федерации // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2007.
8. Овсейко С. Юридическая природа электронных денег // «Юрист», № 9, 2007. С. 30 – 36.
9. Саперов С.А. Банковское право: теория и практика – М.: Экономика, 2003. – 640 с.